

2. *Leech, G.* An anatomy of politeness in communication / G. Leech // International Journal of Pragmatics. — 2003. — Vol. 14. — P. 101—123.
3. *Формановская, Н. И.* Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М. : Высш. шк., 1989. — 156 с.
4. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.
5. *Грайс, Г. П.* Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Г. П. Грайс. — Вып. 16. — М. : Прогресс, 1985. — 500 с.
6. *Lakoff, R.* Talking power / R. Lakoff. — New York : Basic Books, 1990. — 324 p.
7. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
8. *Гоффман, Э.* Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Э. Гоффман. — М. : Смысл, 2009. — 319 с.
9. *Селюкова, Э. А.* Педагогический коллектив и развитие эго в процессе глобализации и конвергенции образования / Э. А. Селюкова // Сибирский педагогический журнал. — 2008. — № 7. — С. 91—100.

УДК 159.9

В. В. Поведайло

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

ЛИЧНОСТНАЯ УЯЗВИМОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается феномен личностной уязвимости в контексте транзитивного общества. Раскрываются подходы к пониманию уязвимости в психологии, подчеркивается ее связь с социальными трансформациями. Анализируется влияние прекарности, социальной нестабильности и кризиса идентичности на формирование уязвимости. Описываются типы личностной уязвимости и внутренние и внешние факторы, способствующие их развитию. Подчеркивается роль разрушения институциональных опор и нормативной неопределенности в усилении уязвимости. Обосновывается значимость теоретического анализа данного феномена в условиях переходной эпохи.

Ключевые слова: личностная уязвимость; транзитивное общество; прекарность; идентичность; социальная нестабильность.

Библиогр.: 18 назв.

PERSONAL VULNERABILITY AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF A TRANSITIVE SOCIETY

The article examines the phenomenon of personal vulnerability in the context of a transitive society. It outlines psychological approaches to understanding vulnerability and highlights its connection to social transformations. The impact of precarity, social instability, and identity crisis on the formation of vulnerability is analyzed. Types of personal vulnerability are described along with internal and external factors contributing to their development. The role of institutional erosion and normative uncertainty in exacerbating vulnerability is emphasized. The significance of a theoretical analysis of this phenomenon in the context of societal transition is substantiated.

Key words: personal vulnerability; transitive society; precarity; identity; social instability.

Ref.: 18 titles.

Введение. Актуальность теоретического анализа феномена личностной уязвимости в транзитивном обществе обусловлена глубокими социальными преобразованиями, сопровождающими переход от традиционных к постиндустриальным формам общественного устройства. Эти процессы сопряжены с нестабильностью, разрушением привычных ролевых структур, ростом неопределенности и снижением эффективности институтов социальной поддержки. В подобных условиях индивид все чаще сталкивается с чувством утраты контроля над жизнью, снижением устойчивости идентичности и необходимостью самостоятельно справляться с вызовами, которые ранее регулировались системой коллективных норм и ценностей. Повышение уровня личностной уязвимости становится следствием не только индивидуальных особенностей, но и макросоциальных процессов, порождающих ощущение внутренней нестабильности и социальной дезориентации.

С научной точки зрения, теоретическое осмысление уязвимости личности в контексте транзитивности представляет собой важную задачу, поскольку позволяет выявить фундаментальные механизмы адаптации индивида в условиях культурной, экономической и ценностной нестабильности. В условиях, когда личность вынуждена функционировать в среде с размытыми границами и неопределенными перспективами, особенно важно выявить, каким образом формируется ее уязвимость и какие ресурсы могут способствовать ее преодолению. Теоретическое изучение этого феномена способствует расширению понятийного

аппарата современной психологии личности, а также созданию оснований для прикладных интервенций, направленных на укрепление психологической устойчивости в эпоху социальных переходов.

Основная часть. Феномен личностной уязвимости в последние годы превратился в один из центральных объектов научного анализа в связи с нарастанием глобальной нестабильности, фрагментацией социальной реальности и углублением индивидуального кризиса. Эти тенденции обусловлены множеством разнонаправленных факторов — от экономических потрясений и политической турбулентности до ускорения культурных изменений и технологической перегрузки. Все это формирует состояние хронической неопределенности, в котором индивид оказывается лишен устойчивых ориентиров, затруднена опора на институциональные механизмы поддержки, а чувство контроля над собственной жизнью постепенно ослабевает [1].

Особое значение в данной связи приобретает трансформация социальной среды, сопровождаемая эрозией стабильных идентичностей, переходом от коллективных форм самореализации к индивидуализированным стратегиям выживания, а также распространением прекарных условий труда и жизни. Личность в таких условиях сталкивается с разрушением привычных сценариев социализации, что ведет к нарастанию тревожности, фрустрации, снижению субъективного благополучия и формированию стойкого ощущения внутренней незащищенности [2].

Особенно выражено данное явление в контексте транзитивного общества — специфической социальной фазы, характеризующейся неустойчивостью нормативных систем, сменой парадигм и разрушением предшествующих форм общественного устройства. В подобной структуре социума наблюдается ослабление институционального контроля, нестабильность правовых и экономических основ, снижение уровня социальной мобильности и доверия к власти. Новые формы социальной организации, находясь в стадии формирования, еще не способны полноценно компенсировать утрату прежних опор. Это приводит к возникновению «вакуумных зон» социальной неопределенности, где личность оказывается предоставленной самой себе без возможности четко определить свое место в социальной иерархии или долгосрочные жизненные перспективы [3].

Современная научная мысль отходит от ограниченно-клинической трактовки уязвимости, характерной для традиционных моделей психодиагностики, и все чаще определяет ее как комплексное, многослойное

образование. Оно включает в себя не только биологически и психодинамически обусловленную чувствительность к внешним воздействиям, но и такие компоненты, как недостаточность адаптивных стратегий, снижение резистентности к социокультурным вызовам, нестабильность идентичности, а также ослабленную способность к восстановлению личностной целостности после кризисов.

Таким образом, личностная уязвимость сегодня трактуется не изолированно, а в рамках междисциплинарного подхода, учитывающего неразрывную связь между внутренними психическими процессами и внешними социальными структурами. Она становится маркером того, насколько личность способна выстраивать эффективные механизмы совладания в условиях неопределенности, отсутствия стабильных ролевых моделей и разрушения культурных кодов. В этом смысле уязвимость выступает не только как симптом, но и как потенциальная точка роста, активизирующая процессы личностной трансформации и смыслообразования [4].

Сама по себе личностная уязвимость формируется как результат сложного взаимодействия внутренних психологических ресурсов индивида и внешнего социокультурного контекста, в котором он развивается и функционирует. Внутренние предпосылки уязвимости охватывают широкий спектр характеристик — от базового уровня тревожности, особенностей темперамента, способности к аффективной саморегуляции до когнитивной гибкости, зрелости Я-концепции и уровня развития рефлексивных способностей. Существенную роль играют также установки личности, стилевые особенности мышления, степень развитости механизмов психологической защиты и копинг-стратегий, определяющих способность к преодолению стрессовых воздействий и неопределенных ситуаций [4].

Наряду с этим, не менее значимыми являются экзогенные факторы, отражающие качество внешней среды и условия социальной реализации индивида. На формирование уязвимости оказывают влияние такие параметры, как уровень социальной поддержки (институциональной и межличностной), доступ к устойчивым жизненным траекториям, стабильность базовых социальных ролей и возможность интеграции в ценностную систему общества. Ключевым аспектом здесь выступает наличие или, напротив, дефицит коллективных смыслов, ролевых ожиданий и нормативных ориентиров, позволяющих личности формировать устойчивую идентичность и планировать будущее в рамках социально признанных моделей поведения [5].

В современной научной литературе подчеркивается, что личностная уязвимость значительно усиливается в контексте социальной дезориентации и кризиса смыслов. В ситуациях, где подрывается базовое доверие к социальным институтам, нарушается преемственность культурных норм и исчезает представление о предсказуемом будущем, личность оказывается в состоянии экзистенциальной неустойчивости. Это состояние сопровождается тревожностью, ощущением бессилия, внутренней растерянностью и снижением способности к целеполаганию. Особенно остро подобная уязвимость проявляется в транзитивных обществах, где одновременно происходят процессы десоциализации, фрагментации идентичности и разрушения привычных паттернов взаимодействия между индивидом и обществом [6].

Психологический смысл уязвимости заключается в повышенной чувствительности личности к внешним воздействиям, сниженной способности к адаптации и устойчивому функционированию в условиях нестабильной или угрожающей социальной среды. Уязвимая личность, как правило, характеризуется ограниченными ресурсами саморегуляции, дефицитом стратегий совладания, а также внутренней неготовностью к быстрой перестройке когнитивных и поведенческих схем в ответ на изменяющиеся обстоятельства. Такое состояние сопровождается ощущением утраты контроля над происходящим, снижением самоофективности, внутренней фрустрацией, а также переживанием социальной изоляции, неполноценности и отторжения со стороны социума [7].

В ситуации социальной турбулентности, вызванной глубинными трансформациями общественного уклада, эти индивидуальные проявления утрачивают свою уникальность и становятся частью широкой социальной динамики. Массовое распространение состояний тревожности, дезориентации, экзистенциальной неопределенности и утраты идентичности свидетельствует о том, что личностная уязвимость перестает быть исключением и становится нормативной реакцией на деструктивные изменения среды [8].

Особенно остро уязвимость проявляется в транзитивный период, когда общественные институты находятся в стадии перестройки, а прежние модели социальной интеграции — такие как устойчивые ролевые структуры, культурные каноны, механизмы поддержки и воспроизводства идентичности — оказываются под сомнением или окончательно утрачиваются. Личность, лишенная опоры на стабильную

социальную среду, оказывается в состоянии когнитивного и экзистенциального напряжения, которое порождает стойкое ощущение нестабильности, фрагментации «Я» и дефицита социальных смыслов [9].

Истоки концепта уязвимости берут свое начало в рамках гуманистической и экзистенциальной психологии, где это понятие первоначально связывалось с идеей открытости личности к переживаниям, способности к аутентичному самоисследованию и внутреннему росту. В трудах представителей гуманистического направления уязвимость рассматривалась не как слабость, а как необходимое условие формирования зрелой, интегрированной личности, способной к эмпатии, моральной ответственности и смыслообразованию. В экзистенциальной традиции — особенно в контексте идей тревоги, выбора, свободы и ответственности — уязвимость рассматривалась как фундаментальная черта человеческого существования, сопровождающая осознание конечности и неопределенности бытия [10].

Однако в условиях стремительно изменяющегося и нестабильного социального ландшафта это понятие приобрело новые акценты. В современном научном дискурсе уязвимость все чаще рассматривается как индикатор фрустрации базовых потребностей, социальной незащищенности и усиливающейся экзистенциальной тревоги. Это связано с тем, что личность все чаще сталкивается с реальностью, в которой традиционные формы стабильности — труд, семья, социальная принадлежность — утрачивают предсказуемость, а институциональные механизмы поддержки оказываются неэффективными.

В последние десятилетия все больше исследователей указывают на тесную взаимосвязь между уязвимостью и такими социально-психологическими феноменами, как прекарность — состояние постоянной социальной и экономической нестабильности; маргинализация — исключение индивида из значимых социальных связей; когнитивная перегрузка — следствие чрезмерного информационного давления в условиях цифровой среды; и разрушение идентичности — утрата целостного образа «Я» в условиях ценностного релятивизма и кризиса культурных ориентиров [11; 12].

Эти процессы усиливают внутренний конфликт между стремлением личности к автономии и стабильности — и невозможностью реализовать их в текущем социуме. Уязвимость, таким образом, перестает быть исключительно психологической константой и превращается в маркер социальной ситуации: индикатор степени разрыва между

личными ресурсами и общественными ожиданиями, между стремлением к самоопределению и невозможностью реализовать себя в условиях системной неопределенности.

Личностная уязвимость в наибольшей степени проявляется у тех категорий населения, которые систематически подвергаются воздействию изменяющихся жизненных обстоятельств и не имеют доступа к устойчивым формам социальной поддержки. К числу таких групп относятся молодежь, находящаяся на этапе формирования идентичности и профессионального самоопределения; пожилые люди, сталкивающиеся с утратой социальных ролей и изоляцией; женщины, совмещающие профессиональные и семейные обязанности в условиях гендерного неравенства; трудовые мигранты, испытывающие дефицит легитимных каналов интеграции; а также лица, занятые в нестабильных или низкооплачиваемых сферах экономики. Эти социальные группы особенно уязвимы к изменению внешней среды, поскольку обладают ограниченными возможностями влияния на условия своей жизни, а также ограниченным доступом к механизмам ресурсного восстановления [13].

Одним из наиболее значимых факторов, усиливающих состояние уязвимости, является подрыв доверия к базовым социальным институтам — таким как система образования, здравоохранения, правоохранительные органы, институты государственной власти и гражданского общества. Эти институты исторически выполняли функцию опоры и стабильности, обеспечивая нормативное поведение, справедливое распределение ресурсов и поддержание общественного порядка. Их дисфункция, формализованность или явная неэффективность способствуют росту внутренней неуверенности, ощущения социальной несправедливости и недоверия к будущему.

Потеря веры в институты приводит к тому, что личность лишается чувства защищенности и предсказуемости социальной среды. Нарушается базовое ощущение контролируемости жизни, а вместе с ним — и способность к долгосрочному планированию, выстраиванию смысловых перспектив и принятию стабильных решений. Это ведет к фрагментации идентичности, нарастанию тревожности, социальной апатии и формированию внутреннего убеждения в невозможности повлиять на собственную судьбу. В условиях транзитивного общества, где институты находятся в стадии реформирования, эта тенденция приобретает особую остроту, поскольку отсутствие новых надежных структур лишь усугубляет вакуум доверия и закрепляет уязвимость как постоянное состояние личности [14].

В условиях транзитивного общества вышеуказанные факторы личностной уязвимости многократно усиливаются за счет глубоких структурных изменений, происходящих на уровне общественных связей и культурных ориентиров. Одним из ключевых признаков этого переходного состояния является фрагментация социальных связей — ослабление горизонтальных и вертикальных форм солидарности, разрушение устойчивых ролевых ожиданий и снижение уровня коллективной вовлеченности. Личность, утратившая чувство принадлежности к социальным общностям, оказывается в состоянии социальной дезинтеграции, теряя возможность опираться на механизмы групповой идентификации и поддержку со стороны среды [15].

Параллельно с этим происходит интенсивная индивидуализация жизненных стратегий, предполагающая, что индивид несет единичную ответственность за свою судьбу, успех, самореализацию и благополучие. Эта тенденция, несмотря на иллюзию расширения свободы, приводит к нарастанию внутренних напряжений, поскольку в условиях нестабильности и неопределенности далеко не все обладают достаточными ресурсами для автономного и устойчивого построения жизненного пути. В результате личность оказывается в состоянии неопределенности, вынуждена постоянно адаптироваться, принимать решения без опоры на институциональные гарантии и предсказуемые социальные нормы [16].

Особую значимость в формировании уязвимости приобретает эрозия коллективных идентичностей. Такие формы принадлежности, как этническая, религиозная, профессиональная и семейная, ранее служившие устойчивыми основаниями для самоопределения, ныне утрачивают нормативную и эмоциональную значимость [17]. Эти идентичности больше не выполняют функцию интеграции и защиты личности от внешних стрессоров, так как-либо перестают быть социально признанными, либо размываются в условиях культурной глобализации и нормативного плюрализма. В то же время новые формы идентичности — цифровые, креативные, сетевые — еще не обладают институциональной легитимностью и не в состоянии полноценно заменить прежние устойчивые опоры.

Подобная ситуация приводит к образованию психосоциального вакуума — состояния, при котором отсутствуют как традиционные системы социальной поддержки, так и сформированные механизмы новых ролевых и ценностных ориентаций [18]. В этом вакууме личность оказывается предоставленной самой себе, сталкиваясь с необхо-

димостью самоопределения в условиях неопределенности, дефицита признания и постоянного давления на уровне ожиданий. В таких обстоятельствах уязвимость перестает быть исключением и становится неотъемлемым компонентом повседневного жизненного опыта, отражая обостренную чувствительность к социокультурным и экономическим вызовам транзитивного мира.

Заключение. Таким образом, личностная уязвимость в современных условиях — это не только индикатор психической нестабильности или результата негативного опыта, но и системный ответ личности на меняющийся мир. Она выступает маркером недостаточной адаптированности как отдельных индивидов, так и общества в целом к условиям переходного периода, в которых ценности, нормы и ресурсы подвержены пересмотру и трансформации. Углубленный анализ данного феномена необходим не только для понимания индивидуальных адаптационных механизмов, но и для выработки эффективных форм психологической и социальной поддержки в эпоху неопределенности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках проекта на тему «Экзистенциальные ценности современной молодежи в транзитивном мире с учетом психологических, социокультурных и региональных детерминант» (ДоговорГ25М-067).

Список цитируемых источников

1. *Ненашева, М. В.* Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности / М. В. Ненашева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». — 2022. — Т. 22, № 5. — С. 69—77.
2. *Кобзева, О. В.* Феномен идентичности в психологии / О. В. Кобзева // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 58-2. — С. 332—335.
3. *Попов, В. В.* Транзитивное общество: опыт концептуализации / В. В. Попов, О. А. Музыка, С. А. Киселев // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 12-2 (54). — С. 159—161.
4. *Несмеянова, С. Э.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт / С. Э. Несмеянова, Е. Г. Калинина // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 4 (100). — С. 7—12.
5. *Черноусова, Т. В.* Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа / Т. В. Черноусова // Психология человека в образовании. — 2022. — Т. 4, № 4. — С. 421—434.
6. *Клейберг, Ю. А.* Десоциализация и дегуманизация личности в ситуации социальной турбулентности: психолого-девиантологический дискурс / Ю. А. Клейберг // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 1 (35). — С. 150—158.

7. Гусейнов, А. Ш. Толерантность к неопределенности как регулятор субъектной активности личности / А. Ш. Гусейнов // Общество: социология, психология, педагогика. — 2018. — № 12. — С. 127—130.

8. Щекотин, Е. В. Онтология "турбулентного социума": понятия и принципы / Е. В. Щекотин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12 (62), Ч. IV. — С. 210—212.

9. Сикорская, Л. Е. Кризис институтов социализации современной молодежи / Л. Е. Сикорская // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». — 2009. — Т. 15, № 4. — С. 258—265.

10. Гришина, Н. В. Экзистенциальная психология: поиск пути / Н. В. Гришина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2012. — № 2. — С. 60—67.

11. Марцинковская, Т. Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития / Т. Д. Марцинковская // Консультативная психология и психотерапия. — 2019. — Т. 27, № 3. — С. 77—96.

12. Шевченко, И. О. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? / И. О. Шевченко, П. В. Шевченко // Социологические исследования. — 2022. — № 7. — С. 63—75.

13. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / А. А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 2 (44). — С. 29—47.

14. Черкесов, Б. А. Формирование личности в условиях социальной нестабильности / Б. А. Черкесов, О. Б. Лобода // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 4. — С. 194—198.

15. Белоброва, О. Д. Социальная фрагментация как сущностный феномен дифференциации / О. Д. Белоброва // PolitBook. — 2016. — № 4. — С. 56—64.

16. Маринов, М. Б. Влияние социальной индивидуализации на стратегию жизни личности / М. Б. Маринов // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 4. — С. 249—254.

17. Симонян, Э. Г. Кризис коллективной идентичности и культурная травма / Э. Г. Симонян // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 4. — С. 172—178.

18. Лысенкова, Е. А. Экзистенциальный вакуум как психологический феномен / Е. А. Лысенкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2011. — № 2. — С. 255—259.

УДК 159.9

К. А. Подлипская, И. Л. Кишея

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Статья посвящена изучению особенностей переживания одиночества в подростковом возрасте. Рассматриваются подходы российских психологов к пониманию феномена одиночества, его виды и влияние на личностное развитие подростков.